

Голос Цянь Чжу был довольно мягок, похожим на вздох, и его снисходительный тон скрывал боль и нежелание.

Да, ах, такой милый ребенок. Кто он мог бросить его, даже не попрощавшись напоследок?

Цянь Чжу погладил Су Тана по голове, а другой ткнулся носом в его ладонь, как маленький молочный щенок. Их отношения были полны зависимости и близости, но Су Тан не чувствовал желания говорить. Он хотел только молча оставаться рядом с Цянь Чжу и больше никуда не хотел идти.

Он крепко обнял Цянь Чжу, а тот обнял его в ответ, они оба крепко обняли друг друга, и под падающими лепестками появилось неопишное чувство.

Это чувство придало им обоим ощущение тепла, разжигая в груди Цянь Чжу пламя. Это пламя было горячим, но не обжигало; все было тихо, за исключением потрескивания этого пламени.

Уголки рта Цянь Чжу начали приподниматься, как будто у него на уме что-то появилось. Он взглянул на небо и заметил, что сияющие звезды уже скрылись из виду. Некогда яркий блеск луны померк, словно крашенная ткань замоченная в воде. С наступлением дня ночное небо светлело, теряя краску; это был час между закатом и рассветом, туман и облака было единственным, что можно было увидеть в небе на многие мили вокруг.

С заходом солнца восходит луна; дует ветер и льет дождь; падает снег, покрывая ветви морозом (1). Независимо от времени, облака оставались в небе, их внешний вид мог измениться, или они могли поредеть, но облака никогда не покидали неба. Это почти так же, как если бы у них было что-то, что они хотели защитить, или они были привязаны к чему-то.

Пока он все еще думал, Су Тан внезапно повернулся, чтобы прилечь, и его рука зацепилась за край одежды Цянь Чжу. Цянь Чжу наклонил свое тело в сторону и вытянул руку, чтобы разместить его голову на себе. Су Тан без малейшего колебания скользнул в объятия Цянь Чжу, и они переплели пальцы. Никто не знал, кто сделал первый шаг, их руки нежно гладили друг друга.

Было все еще холодно, и одежда Су Тана была тонкой. Опасаясь, что Су Тан замерзнет, Цянь Чжу хотел встать. Как бы то ни было, в этой спокойной и мирной атмосфере он немного подумал и решил отказаться от этой идеи. Взмахом пальца он воздвиг вокруг них почти прозрачный барьер.

— Все еще холодно? — спросил Цянь Чжу.

Су Тан покачал головой, однако продолжал прижиматься к телу Цянь Чжу, как маленький кролик.

— Разве тебе все еще холодно, но ты продолжаешь ко мне липнуть? — со смешком пожурил его Цянь Чжу. Су Тан проигнорировал его, что заставило их погрузиться в неловкое молчание. Цянь Чжу запаниковал и поспешно его приподнял. Он увидел, что уголки глаз у Су Тана покраснели, он явно только что плакал. Он со вздохом покрепче обнял его.

— Знаешь, о чем мои мысли? — спросил Цянь Чжу.

— Обо мне, — ответил Су Тан спустя несколько секунд молчания.

— Ах, мой маленький детка такой умный, — Цянь Чжу казался чрезвычайно счастливым, его глаза были полны радости. С другой стороны, Су Танг все еще грустил, понимая, что их разлучают.

Ныне Цянь Чжу вернулся просто, чтоб попрощаться с ним, а затем уйдет и не вернется, как раньше?

Цянь Чжу точно знал, о чем думает Су Тан. С сердцем, уязвленным чувством вины, он произнес:

— Детка, не грусти, я больше тебя не оставлю.

Су Тан не отвечал, будто ничего не слышал.

— Я не лгу, я не в состоянии с тобой расстаться, — Цянь Чжу взял руку Су Тана в свою и нежно поцеловал ее. Хотя Су Тан пытался вывернуться из его хватки, Цянь Чжу крепко держал красную веревку, обвязанную вокруг запястья Су Тана.

— С того момента, как ты сказал, что я тебе нравлюсь, я не захотел уходить. Просто это приказ Небесного Императора, так что я должен идти. Если только... Я мог бы взять тебя с собой.

Царство Смертных лишено Бессмертной Энергии, присущей Небесному Миру. Если Су Тан покинет это царство, он будет как дерево без воды. Вскоре он превратится в смертный прах и исчезнет с небес и земли, чтобы никогда больше не возвращаться в цикл реинкарнации. Цянь Чжу прекрасно понимал это, но, увидев, как Су Тан уснул на нем, пока они отдыхали на качелях, отказываясь отпустить хоть на мгновение, он передумал.

Позже он отнес Су Тана на кровать, и, пока Су Тан крепко спал, долго и напряженно размышлял над этим вопросом. Однако он хорошо знал, что Су Тан вовсе не спал.

Если бы он действительно спал, кровать не осталась бы в столь аккуратном состоянии; он бы уже давно перевернулся и сбросил одеяло на пол.

На рассвете Цянь Чжу куда-то ушел. Это было место, которое он не посещал и не любил, и все же, как бы сильно он его ни ненавидел, у него не было выбора, кроме как пойти туда.

— Независимо от того, что произойдет в течение этих 10 лет, ты не сможешь вернуться в Царство Бессмертных, и не сможешь взаимодействовать с другими бессмертными там. С этого момента ты будешь делиться своей духовной силой с этим ребенком. Между вами обоими существует огромная разница – ты обладаешь изобилием испорченной (жестокой) духовной силы, в то время как духовная сила этого ребенка чиста, как снег. Если вы встретите кого-то с высоким уровнем развития, они обнаружат, что между вами что-то не так.

— Небесный Император непрерывно перед тобой в страхе. Он боится, что ты можешь начать буйствовать, как предыдущий Достопочтенный (2). Он также не любит, когда ты слишком много общаешься с другими бессмертными здесь, так что переход в человеческое царство на этот раз к лучшему. Когда ты вернешься через десять лет, Небесный Император будет меньше беспокоиться.

Иди, будь осторожен на своем пути. — человек отвернулся. Цянь Чжу кивнул, забирая таблетку выданную говорившим, и ушел не оглядываясь.

Вскоре он вернулся во дворец Ю Цин и увидел, как Су Тан, скорчившись, с жалостью собирает лепестки. Вид его маленькой фигурки был тем, что он никогда не забудет до конца своей жизни. Он так любил своего маленького детку, но было время, когда тот совсем ему не нравился, и сейчас именно тот момент. Сейчас он не поднимал шума, а только тихо сидел на корточках на земле.

— При виде тебя, меня охватил стыд. Мне стыдно, что не додумался до этого раньше; я заставил тебя так страдать, — после того, как Цянь Чжу пересказал весь процесс, нахмуренные брови Су Тана наконец разгладились.

Хотя в сердце Су Тана все еще чувствовалась горечь, но не по отношению к Цянь Чжу, а...

— Кто дал тебе лекарство, ах? — спросил он.

— Давний друг, — Цянь Чжу, казалось, не хотел говорить об этом. Это лишь заставило Су Тана насторожиться. Он знал, что Цянь Чжу всегда любил только его и только его одного, но не мог удержаться от излишних размышлений. Кроме того, дыра в его мозгу была настолько велика, что он смог придумать несколько гипотез за такой короткий промежуток времени.

Цянь Чжу посмотрел на Су Тана, погруженного в размышления, и не смог сдержать улыбки. Но когда он попытался убедить Су Тана принять лекарство, тот упорно отказывался принять его.

— Скажи мне, кто он, или я не буду это есть, — сказал Су Тан, немного опечаленный.

— Это просто старый друг, который должен мне услугу. Он и дал мне лекарство, — Цянь Чжу объяснил Су Тану, который продолжал выглядеть обеспокоенным.

На самом деле, когда Цянь Чжу родился, испорченная духовная сила в его теле была не так обильна, однако Небесный Император проявлял осторожность, и у него имелся Бессмертный-алхимик, который создал лекарство, которое подавило бы испорченную духовную силу. В конце концов, целебное зелье Бессмертного алхимика имело обратный эффект, вызвав вспышку всей злой ауры в Цянь Чжу. Массовая вспышка испорченной духовной силы не могла быть устранена вовремя. А когда Небесный Император спросил его об этом, тот возложил вину на Цянь Чжу.

Хотя в то время Цянь Чжу был еще младенцем, его личность была особенной. Интеллектуально он отличался от других младенцев своего возраста, можно даже сказать, что он имел интеллект взрослого.

В то время Цянь Чжу не стал разоблачать алхимика, решив, что это довольно скучно. Просто сердце этого Бессмертного было полно вины, и он чувствовал, что должен загладить свою вину.

— Так ты все еще беспокоишься? — спросил Цянь Чжу с улыбкой на лице.

— Не волнуйсь, просто очень зол, — Су Тан надул щеки, и в нем закипала ярость. Когда она наконец взорвалась, он воскликнул, — Почему ты тогда ничего не сказал? Ты без всякой причины взял на себя огромную ношу.

— У тебя за меня болит сердце? — снова спросил Цянь Чжу.

— Эн, — кивнул Су Тан.

— Эн, что? — продолжал улыбаться Цянь Чжу.

— Ты такой надоедливый! — Су Тан использовал свою маленькую ножку, чтобы пнуть Цянь Чжу, хотя его усилия и были тщетны. Цянь Чжу использовал свои ноги, чтобы поймать маленькую ступню, и продолжил расспросы.

— Может быть, сначала мне было плохо, но теперь я ничего не чувствую! — Су Тан впился в него взглядом, и Цянь Чжу немедленно отпустил его маленькую ножку.

— Ладно, ладно, не сердись больше, — уговаривал Цян Чжу. — Я просто хотел услышать это от тебя, потому что никто никогда не говорил мне подобного раньше. Я не хотел делать тебя несчастным. Прости меня, детка, ладно?

Вспомнив, что всю свою жизнь Цянь Чжу был одинок, сердце Су Тана смягчилось. Никто не заботился о нем, никто не осмеливался приблизиться к нему, и ему даже не с кем было

поговорить. Кроме того, до встречи с Су Таном он никогда не испытывал привязанности.

— Злодей, почему ты не сказал мне об этом раньше? — проворчал Су Тан, и встав на цыпочки укусил Цянь Чжу за подбородок.

— Конечно, мое сердце будет болеть за тебя, ведь я люблю только тебя ... — Су Тан заполз на Цянь Чжу, его лицо пылало багрянцем. Цянь Чжу осторожно наклонил голову и поцеловал Су Тана в губы.

Цянь Чжу улыбнулся и уставился на Су Тана с неопишуемым чувством, скрытым за его зрачками. Сердцебиение Су Тана ускориилось, и когда он, наконец, не выдержал, он закрыл глаза.

— Ты стесняешься? — Цянь Чжу перевернулся и прижал Су Тана к себе. Этот поцелуй подаренный им был уже не легким, а оказался по-настоящему горячим поцелуем.

Это впервые, когда Су Тан испытывал подобные эмоции, поэтому его тело стало обжигающе горячим, а дыхание, казалось, было украдено Цянь Чжу, который оставил после себя приятное, почти мечтательное ощущение. Он отвернулся, чтобы отдышаться, и тихо сказал:

— Мне... Мне нужно съесть лекарство.

— Хорошо, — Цянь Чжу положил таблетку в рот Су Тану и пальцами погладил его губы, оставляя влажный след. Губы Су Тана были красными и влажными, как вишня, покрытая росой. Аромат, который они испускали, был опьяняющим.

Он опустил голову. Их губы соприкоснулись, и зубы стукнулись друг о друга, и Цянь Чжу нечетко сказал:

— Гэгэ накормит тебя.

1. Здесь, скорее всего стихотворение, однако оригинал анлейту найти не удалось.

2. 大德 (dà dé) — почтенный; господин; великий (мудрый) человек; высоко нравственная личность. Этим титулом величают прежнего "приносящего бедствие"

<http://bllate.org/book/15669/1402508>